

А.В. Тавадова, старший преподаватель кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

МЕЖДУ ДЖОНОМ СТЮАРТОМ МИЛЛЕМ И АЛЕКСИСОМ ДЕ ТОКВИЛЕМ: ДВЕ КОНЦЕПЦИИ СВОБОДЫ

A.V. Tavadova

JOHN STUART MILL AND ALEXIS DE TOCQUEVILLE: TWO CONCEPTS OF LIBERTY

В статье представлен анализ двух концепций свободы, одна из которых получила свое развитие в русле классического либерализма, вторая — в рамках консервативной традиции. Индивидуальная свобода как высшая ценность, благо и цель социального развития была рассмотрена английским либеральным мыслителем Джоном Стюартом Миллем. Иной подход нашел воплощение в трудах ярчайшего представителя французской консервативной мысли Алексиса де Токвиля. Несмотря на очевидную схожесть многих рассмотренных тезисов, заочная полемика авторов положила начало развитию двух традиций в осмыслении понятия гражданской свободы, продолжающих создавать и поддерживать дискуссионное поле современной теоретической социологии. Исследование методологических оснований рассматриваемых концепций позволяет лучше понять принципиальную суть современного спора между лагерем либералов и лагерем консерваторов, стремящихся найти баланс между индивидуальной свободой в различных аспектах ее проявления и общественным интересом.

Ключевые слова: Дж.С. Милль, А. де Токвиль, свобода, либерализм, утилитаризм, консерватизм, индивидуализм, гражданское общество, “негативная свобода”, “позитивная свобода”, демократия, равенство, порядок, прогресс.

This paper presents an analysis of the two concepts of freedom, one of which was developed in line with classical liberalism, the second within the conservative tradition. Individual freedom as the supreme value, good and the goal of social development was considered an English liberal thinker John Stuart Mill. Another approach found expression in the works of the brightest representatives of the French conservative thought of Alexis de Tocqueville. In despite of the similarity of some theses, this polemic initiated the development of the two traditions in understanding the concept of civil liberties, continues to create and maintain the discussion of modern theoretical sociology. The research methodology of these concepts, to better understand the fundamental essence of the dispute

* Тавадова Анжелика Вячеславовна, e-mail: avtav@list.ru

between liberals and conservatives, seeking to find a balance between individual freedom in various aspects of its expression and the public interest.

Keywords: *J.S. Mill, A. de Tocqueville, freedom, liberalism, utilitarianism, conservatism, individualism, civil society, the “negative freedom”, the “positive freedom”, democracy, equality, order and progress.*

“Искусство жить свободным способно творить чудеса, но в то же время нет ничего труднее, чем учиться жить свободным”

Алексис де Токвиль

Проблема свободы вновь актуализирована в современной социально-философской проблематике, что обусловлено глубокими трансформационными процессами, охватившими политическую и социальную сферы человеческих взаимоотношений. Это стимулирует авторов все чаще обращаться к философским концепциям прошлого для восстановления логических взаимосвязей между сферой теоретических идей и объективной реальностью. Интерес научного сообщества растет, прежде всего, к тем авторам, которые стояли у истоков либеральных идей и связанных с ними интеллектуальных дискуссий в период становления западного демократического общества. Среди таких значимых фигур все чаще выделяют английского философа-позитивиста, социолога, экономиста, общественного деятеля, либерала Джона Стюарта Милля (*John Stuart Mill*, 1806–1873) и французского социолога, историка, политического деятеля, консерватора Алексиса де Токвиля (*Alexis de Tocqueville*, 1805–1859).

В постсоветской политической социологии взглядам де Токвиля отведено значительное место¹. В то же время идеи Милля в большей степени привлекают внимание историков науки, описывающих основные положения его концепции, но не раскрывающих ее сущностные взаимосвязи². Вероятно, это происходит потому, что многие теоретические положения, выдвинутые Миллем, методологически устарели, а требования его социальной теории

¹ См.: *Веремчук Л.П.* Алексис де Токвиль: концепция аристократии // *Вестн. Томск. гос. ун-та.* 2011. № 342. С. 106–109; *Исаев С.А.* Алексис Токвиль и Америка его времени (о трактате “О демократии в Америке”). СПб., 1993; *Медушевский А.Н.* Алексис де Токвиль. Социология государства и права // *Социс.* 2005. № 10. URL: http://www.isras.ru/socis_2005_10.html; *Эткинд А.* Иная свобода: Пушкин, Токвиль и демократия в России // *Знамя.* 1999. № 6. С. 179–203.

² См.: *Попова В.С.* Д.С. Милль в России: метатеоретические и исторические вопросы психологической интерпретации логики // *Радио.ru.* 2013. № 11. С. 29–52; *Субботин А.Л.* Джон Стюарт Милль об индукции. М., 2012; *Финн В.К.* Д.С. Милль, его идеи об индукции и “логике нравственных наук”. Проблемы исторического познания. 2013. № 1. С. 94–106.

нашли отражение в современной действительности, благодаря эмансипации женщин и социальным победам рабочего класса, имевшим место во второй половине XIX — первой половине XX в.³, а значит, они утратили былую остроту. На самом же деле поставленные им социально-философские проблемы индивидуальной свободы не получили удовлетворительного решения и по сей день. Причина этого кроется в противоречиях понятия свободы, содержащихся в самих воззрениях Милля, и, осмелимся утверждать, унаследованных более поздними теориями либерализма. Поэтому в зарубежной литературе интерес к фигуре Милля и его взглядам не угасал на протяжении всего XX в. и находит отклик у современных авторов⁴.

Взгляды Милля не были столь же оригинальны, как идеи некоторых его современников, таких как Иеримия Бентам (*Jeremy Bentham*, 1748–1832) в философии или Давид Рикардо (*David Ricardo*, 1772–1823) в экономике. Его концепции в большей степени представляли собой синтез наиболее прогрессивных теорий эпохи, интерпретации которых ему удавалось придать блестящее воплощение. Вышедший из под его пера трактат “Основы политической экономии и некоторые аспекты их приложения к социальной философии”⁵ (1848) имел ошеломляющий успех у читателей, прежде всего, благодаря логическому и аналитическому мышлению автора, а также неповторимому авторскому стилю и совершенству языка.

Исследования, посвященные общественной жизни, занимали Милля на протяжении всей его жизни, а их результаты были изложены в разных трудах. Наибольшего успеха в систематизации собственных взглядов он достиг, прежде всего, в экономической теории и философии науки. Однако общим признаком всех работ Милля была широкая теоретическая свобода и независимость позиции. Он не избегал дискуссий с оппонентами, не боялся противоречить взглядам своих учителей. Поначалу он был последователем бентамовского утилитаризма, позже решительно приступил к его переосмыслению, что угрожало ему разрывом с прежними единомышленниками и почитателями.

³ О социальных победах рабочего класса см.: *Кастель П.* Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда / Под общ. ред. Н.А. Шматко. СПб., 2009.

⁴ См.: *An introduction to Mill's utilitarian ethics* / Ed. by H.R. West. Cambridge, 2004; *Mill on democracy: from the Athenian polis to representative government* / Ed. by N. Urbinaty. Chicago, 2002; *Mill's on liberty: critical essays* / Ed. by G. Dworkin. Lanham; Boulder; N.Y.; Toronto; Plymouth, 1997; *Mill's progressive principles* / Ed. by D.O. Brink. Oxford, 2015; *The Cambridge Companion to Mill* / Ed. by J. Skorupski. Cambridge, 1997.

⁵ *Mill J.S.* Principles of political economy with applications to social philosophy / Ed. by S. Nathanson. Indianapolis; Cambridge, 2004.

Конечно, нельзя утверждать, что взгляды Милля были полностью автономны. Безусловно, он испытывал влияние известных мыслителей как предшествующих эпох, так и современников. Среди его вдохновителей были его отец Джеймс Милль, Д. Рикардо, И. Бентам, Дж. Беркли, Д. Юм, Д. Гартли, Л. Дюмон, а позже И.Г. Гердер, В. Гумбольдт, С.Т. Кольридж и Т. Карлейл.

Вместе с тем, идеи Милля лишены тривиальных смыслов. С уверенностью можно утверждать, что Милль решительно порывает со сложившейся философской традицией. Он стал предтечей идеи “нового либерализма”, социального и солидарного, как его называли на заре формирования концепций социального государства, но также он очертил те опасности, с которыми предстоит столкнуться человечеству и индивиду в случае постоянного расширения участия государства в их жизни, определил основания кризиса патерналистской системы социальных отношений задолго до официальной критики концепции социального государства.

Милль был кабинетным ученым и рассматривал политические вопросы с абстрактных позиций, однако жизнь предоставила ему возможность испытать свои теоретические воззрения на практике, когда он стал парламентарием. Именно в этот период своей карьеры он проявил наибольшую последовательность в своих либеральных убеждениях. Примечательно, что в 1866 г., когда на Ямайке с особой жестокостью было подавлено восстание местных жителей против колониального режима, Милль, не боясь осуждения со стороны общества, выступил в защиту прав аборигенов. Он проявлял открытую симпатию французской демократии, а в период Гражданской войны в США написал памфлет в защиту дела северян. В ирландском вопросе он с той же последовательностью отстаивал свое несогласие с мнением английского господствующего класса⁶.

Однако Милль был не просто политическим оппозиционером. Верный своим методам — логике и анализу — он настаивал на разумности политических решений. Политика консерватизма, в конечном счете, создавала тупиковую ситуацию и не способствовала разрешению возникающих системных кризисов. Вместе с тем, и радикализм социалистов, призывавших к революционным преобразованиям, не был благоразумен. Милль подчеркивал, что “В деле государственного управления... совместное существование партии порядка или укоренившихся правил, равно как и партии прогресса или реформ является необходимым условием правильного течения

⁶ *Туган-Барановский М.И.* Джон Стюарт Милль. Его жизнь и научно-литературная деятельность. СПб., 1892.

политической жизни”⁷. В трактате “Размышления о представительном правлении” (“*Considerations on Representative Government*”, 1861)⁸ Милль примиряет две, казалось бы, противоположные общественные потребности — в сохранении достигнутых благ, с одной стороны, и в их приумножении — с другой. Порядок в самом широком смысле означает повиновение. Если власть не способна заставить повиноваться, то она не способна управлять. Вместе с тем, порядок не может быть главной целью власти, он лишь условие для достижения иной цели. В случае, когда устойчивость приносится в жертву прогрессу, это угрожает интересам самого прогресса в том числе. Прогресс представляет собой высшую степень явления, а порядок — его низшую степень: “...прогресс предполагает порядок, но порядок не предполагает прогресса”⁹. Коренная противоположность двух этих терминов заключена, скорее, в типах соответствующих человеческих характеров, чем в самой сущности вещей: в одних преобладает осторожность, забота о настоящем, в других — смелость, предвкушение будущих побед и достижений. Но те и другие на самом деле преследуют одну общую цель — предотвратить регресс, к которому склонно любое общество в силу природной склонности к вырождению. Достижению этой цели служит набор полезных качеств, и прежде всего, высокий уровень нравственного и умственного развития людей, составляющих общество, а также два неизменных условия прогресса — духовная и нравственная свобода¹⁰.

Практическая сторона жизни Милля отражает целостность его либеральных идей. Его либерализм выступал в защиту подлинной свободы, свободы каждого, но не свободы угнетателя, будь им единственный тиран, господствующий класс или общественное мнение.

Для концепции свободы Милля, так же как и для взглядов Локка, Беркли и Юма, еще характерна непоследовательность, выраженная в одновременном утверждении автономности индивидуума и значимости общественного интереса. Как отмечает Исая Берлин, “Бентам почти в одиночку твердит, что дело законов — не освободить, а ограничивать, и всякий закон ущемляет свободу, даже если такое ущемление суммарно ее увеличивает”¹¹. Учение Бентама провозглашало достижение большего счастья на земле главной и единственной целью нравственности и политики.

⁷ Милль Дж. Ст. О гражданской свободе. М., 2012. С. 97.

⁸ Милль Дж. Ст. Рассуждения о представительном правлении. Челябинск, 2006.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 19–46.

¹¹ Берлин И. Философия свободы. Европа / Предисл. А. Эткинды. М., 2001. С. 15.

Милль трактует свободу шире. Уже в самом начале своего эссе “О свободе” (“On Liberty”, 1859)¹² он отмечает, что слова “самоуправление”, “власть народа” не вполне точны и не выражают подлинной свободы, поскольку общество само по себе может быть тиранией коллектива над отдельными личностями. Его понимание свободы позитивистское, оно получает эмпирическое обоснование. На заре формирования общества и укрепления социальных уз подавление индивидуализма, обуздание характера сильных личностей оправдывались стремлением обеспечить стабильность общества. Но в цивилизованном обществе индивидуальность более не может угрожать его целостности. В сущности, можно говорить, что Милль переводит рассуждения о свободе из чисто философского дискурса в поле социологического анализа.

Начиная с И. Берлина, исследователи обычно причисляют Милля к сторонникам негативной свободы. Концептуально так оно и выглядит. “Все те условия, которые делают жизнь наиболее ценной для человека, — пишет Милль, — находятся в прямой зависимости от ограничения свободы действия окружающих людей”¹³. Отсюда вытекает задача установления границы между индивидуальной независимостью и общественным контролем.

Милль настойчиво критикует концепцию общественного договора, поскольку никакой принудительный договор не может привести к благим последствиям. Вместе с тем, любой индивид, “пользующийся покровительством общества, обязан чем-либо вознаграждать общество за оказываемое ему покровительство, и самый тот факт, что человек живет в обществе, уже обязывает каждого человека соблюдать известные правила поведения по отношению к другим людям”¹⁴. Под влиянием “феноменологии духа”, воспринятой им в гумбольтовском прочтении, Милль исходит из того, что социальная реальность формируется как соучастие индивидуального и социального Духа (Geist)¹⁵. Права человека формируются не как естественные, “досоциальные” свойства индивида, но как социальные права, “они суть политических сражений”.

Ранее у Локка встречаем понятие естественного состояния людей: это “*состояние полной свободы* в отношении их действий и в отношении распоряжения своим имуществом и личностью в соответствии с тем, что они считают подходящим для себя в границах закона природы, не испрашивая разрешения у какого-либо

¹² Милль Дж. Ст. О гражданской свободе.

¹³ Там же. С. 13.

¹⁴ Там же. С. 150.

¹⁵ Одар К. Индивидуальность и солидарность: Дж. Ст. Милль и “Новый солидарный либерализм” // Философский журнал. 2010. № 2 (5). С. 87–88.

другого лица и не завися от чьей-либо воли”¹⁶. Далее Локк утверждает, “любовь к обществу и желание его” подталкивают независимых индивидов добровольно отказаться от своей естественной свободы, чтобы “надеть на себя узы гражданского общества”. С этого момента индивид вынужден подчиниться власти большинства. Единство и целостность общества обеспечиваются деятельностью единого политического организма, в котором “большинство имеет право действовать и решать за остальных”. Ничто не может сделать человека поданным или членом государственного образования, кроме как его фактическое вступление “в сообщество посредством положительного обязательства и непосредственно выраженного обещания и договора”¹⁷. Вместе с тем, Локк подчеркивает следующее: “...где кончается закон, там начинается тирания (курс автора), если закон преступается во вред другому”¹⁸.

В попытках преодолеть противоречие, заложенное в самой концепции естественного состояния и общественного договора, Локк разводит понятия “выраженного согласия” и “молчаливого согласия”. Последнее подразумевает безоговорочное повиновение индивида законам правительства в том случае, если индивид владеет собственностью или на иных правах пользуется любым имуществом, находящемся на территории страны этого правительства, либо пользуется какими-либо общественными благами. Локк сам не замечает, как оспаривает собственные принципы, ведь ранее, критикуя монархическую форму правления, он утверждал, что при ней индивид утрачивает свободу судить о своем праве или защищать его¹⁹. Таким образом, утвержденная *свобода от* произвола монарха не избавляет каждого индивида, состоящего в гражданском обществе, от произвола одного лица или большинства, наделенного властью, пусть и на законных основаниях.

Локк, стоявший у истоков классического либерализма, в котором гражданское общество служит цели сохранения собственности, был привержен концепции негативной свободы. Общество может прибегнуть к наказаниям разной степени суровости, вплоть до смертной казни, ради достижения *общественного блага*. Ограничение свободы действия для него выступает условием сохранения политического организма, целостности социального тела, противостоящего анархии.

Милль тоже выступал в защиту смертной казни, но прибегал к совершенно иным аргументам. Он исходил больше не из рацио-

¹⁶ Локк Дж. Сочинения: В 3 т. Т. 3. М., 1988. С. 263.

¹⁷ Локк Дж. Указ. соч. Т. 3. С. 317–334.

¹⁸ Там же. С. 379.

¹⁹ Там же. С. 313.

нальности этой формы наказания, а из гуманности. Поскольку преступник, не имеющий справедливых оснований надеяться на более мягкое наказание, чем высшая мера, из-за тяжести свершенного поступка, и оставленный отбывать пожизненное лишение свободы, будет переносить куда более мучительные страдания, чем смертная казнь. “Как же, в самом деле, можно сравнивать... приговор человека к кратковременной боли от быстрой смерти, с заключением его в живую могилу”²⁰, — пишет Милль. Лишенный подлинной свободы навсегда, такой человек неизбежно станет социально мертв.

У Томаса Гоббса (*Thomas Hobbes*, 1588–1679) находим определение “естественного права” как “свободы всякого человека использовать собственные силы по своему усмотрению для сохранения своей собственной природы, т.е. собственной жизни, и, следовательно, делать все то, что, по его суждению, является наиболее подходящим для этого”²¹. Но стремление индивида к организованному сообществу — это не суть человеческой природы, а голос разума, призывающий отнять часть личной свободы ради достижения мирного сосуществования.

Единственное непротиворечивое понимание свободы у Гоббса носит явно выраженный негативный характер — “свобода означает отсутствие сопротивления”²². Таким образом, гражданин имеет свободу в тех действиях, которые не согласованы с властью, при этом ограниченная свобода поданных совмещается с неограниченной властной свободой суверена. Рассуждая о причинах распада государства, Гоббс особо подчеркивает вред учений о свободе совести. Частные суждения человека о добре и зле могут быть ошибочны, в то время как закон есть “совесть государства” и только безоговорочное, априорное его принятие есть условие мирного существования общества²³.

Таким образом, либерально-рационалистическая мысль конца XVIII в. понимала свободу, как возможность делать то, что должно желать.

В отличие от предшественников (Локка, Гоббса, Канта, Бентама) Милль все же отходит от традиции строго негативного определения свободы и раскрывает потенциал позитивной свободы. Для Милля свобода не ограничивается “безопасностью”, как у Бентама, на-

²⁰ Милль Дж.С. Речь в защиту смертной казни // Этическая мысль. Вып. 9 / Под ред. А.А. Гусейнова. М., 2009. С. 183–192, С. 185.

²¹ Гоббс Т. Левиафан. М., 2001. С. 89.

²² Там же. С. 145.

²³ Там же. С. 222.

против, она открывает новые горизонты человеческих возможностей, индивидуальных способностей и творческих сил.

Берлин пишет: «Позитивный смысл слова “свобода” проистекает из желания быть хозяином самому себе»²⁴. Милль, защищая всю полноту индивидуальной свободы, верит в разум и прогресс, поэтому он переносит понятие “истины” из чисто философского дискурса в сферу социальных отношений, затрагивая глубинные методологические проблемы решения этого вопроса. Он утверждает, что “различия во мнениях оказывают такую несомненную пользу человечеству и будут впредь оказывать ее, пока человечество не достигнет той степени умственного прогресса, от которой оно в настоящее время еще слишком далеко”²⁵. Истина возможна и достижима, но только в том случае, если ей открыт свободный путь через *свободу совести* (абсолютную свободу мысли, чувства, мнения касательно всех возможных предметов от нравственных и теологических до практических и научных), *свободу выбора* (цели и образа жизни), *свободу действовать сообща*. Эти виды свободы должны быть абсолютизированы и равнодоступны для всех членов общества без исключения, с той только оговоркой, что стремление индивида к собственному благу не лишало бы других людей их блага и возможности достигать собственных целей.

Особое значение в концепции Милля имеет критерий истинности, определяемый исходя из согласованности фактов, полученных опытным путем. Все, что не укладывается в это представление, есть метафизическое знание, основанное на сверхчувственном восприятии, что не может служить критерием достоверности. Английский писатель Уильям Кортни полагал, что приоритет индивидуального над общественным в концепции Милля вытекает из его “системы логики”, в которой достоверность знания проистекает из опыта, причем опыта индивидуального²⁶. Вторым важным условием развития выступает критика. Только тому суждению нельзя отказать в истинности, которое прошло многократную проверку в дискуссиях с оппонентами.

Представления Милля о позитивной и негативной свободе приобретают наибольшую точность в его критике христианской нравственности. Он полагает, что идеализация принципа аскетизма, невольно придала человеческой нравственности эгоистический характер. Правила христианской нравственности предписывают в первую очередь воздержание от зла больше, чем энергичное

²⁴ Берлин И. Указ. соч. С. 137.

²⁵ Милль Дж. Ст. О гражданской свободе. С. 94.

²⁶ Courtney W.L. Life of John Stuart Mill. L., 1889. P. 129.

стремление к добру, что выражает отрицательный характер реакции на положение христиан в языческом мире.

В дискуссиях о свободе Милля, прежде всего, интересует индивидуальная свобода, поэтому он обращается к понятию индивидуальности. Под влиянием школы ассоциативной психологии²⁷ он выводит понятие индивидуальности, которая когерентна таким проявлениям человеческого поведения, как необузданный творческий потенциал, нонконформизм и антагонистический способ мышления (поэтому он подчеркивает значимость метода диалектики и даже пользу применявшегося в средневековый период диспута), автономизация и суверенитет, многостороннее разнообразие и личный опыт, инаковость. Все это основные элементы индивидуального благополучия и борьбы с тиранией. “Эксцентричность всегда проявляется всего заметнее в тех странах, в которых преобладают люди с сильным характером; наиболее сильное проявление эксцентричности в известных обществах, в большинстве случаев, обыкновенно пропорционально наибольшему проявлению гениальности, умственной силы и нравственного мужества”²⁸, — утверждает Милль. Гении могут проявлять себя только в атмосфере свободы, отчего общество только выигрывает.

Интерпретируемая таким образом индивидуальная свобода Милля коренным образом отличается от представлений его предшественников. Если у Локка индивидуальная свобода подчинена порядку, установленному властью большинства, и связана с социальной природой каждого индивида, у Гоббса она ограничена разумным подчинением во имя мирного сосуществования, то у Милля понимание индивида онтологично. Индивидуальность суть человеческой природы, она не есть лишь социальная детерминанта. Индивидуальность утверждается в длительной исторической борьбе за свободу. Исходя из того, что не все общества и тем более не все индивиды в истории человечества непременно отстаивали право на свободу и не всегда были готовы вступить за этот идеал в ожесточенную схватку, Милль утверждает идеал свободы как неизменный атрибут социального прогресса. Без индивидуальной свободы невозможно никакое развитие, а также продолжительное и восходящее существование какой бы то ни было цивилизации. Очевидно,

²⁷ В период существования “Утилитаристского общества” Милль и его последователи расширили учение Бентама идеями Гартли, в том числе они отрицали существование прирожденных идей. Человеческий ум выступал в качестве “*tabula rasa*”, который усваивал истины только посредством индивидуального опыта (см.: Туган-Барановский М.И. Указ. соч.).

²⁸ Милль Дж. Ст. О гражданской свободе. С. 133–134.

его концепция свободы приобретает явные черты социального проекта²⁹.

Обращаясь к личности, Милль вместе с тем предпринимает попытки аргументировать социальную значимость расширения индивидуальной свободы. В социальных отношениях индивидуальные поступки побуждаемы не одним лишь эгоизмом, но также бескорыстными стремлениями. “Присущие человеку способности понимания, суждения, способность к умственной деятельности и к нравственной оценке жизненных явлений могут упражняться только при том условии, если человеку будет предоставлена свобода выбора”³⁰. Поэтому принцип саморазвития путем свободы оправдан для прогрессивных, цивилизованных обществ, и не может быть применим к обществам, пребывающим в состоянии младенчества. Наиболее доказательно Милль аргументировал это утверждение в трактате “Размышления о представительном правлении”: “...многие народы постепенно достигли свободы при помощи центральной власти, которая первоначально по своему положению была соперницей местных деспотов, а, в конце концов, стала властвовать над ними”³¹. Таким образом, король выступал гарантом крестьян в их противостоянии угнетению со стороны феодалов, что в свою очередь укрепляло его власть поддержкой наиболее широких слоев населения. В то же время не все народы, пользующиеся свободой, способны образовать государство. В таком случае “неограниченной монархии скорее, чем представительному правлению, удастся слить незначительные политические единицы в один народ, скрепленный чувством солидарности”³². Но это происходит лишь в условиях недостаточной развитости надлежащих нравственных и умственных чувств народа. В дальнейшем, как уже упоминалось выше, цель любого управления — способствовать расширению гражданской свободы независимо от того, в какую форму обличена власть.

По мнению ученого, индивид должен иметь неотъемлемое право на самоопределение. Индивидуальность должна беспрепятственно проявляться во всем, что касается непосредственно самого индивида и его собственной жизни. В концепции Милля субъект *может* верить, мыслить, выражать и действовать, т.е. согласовывать

²⁹ Склонность Милля к реформаторству проявлялась еще в юности. Он сам признавался, что “с того момента, как я в первый раз прочел Бентама, у меня была цель в жизни — реформировать человечество. Мои личные представления о счастье совершенно отождествились с этой целью” (см.: *Милль Д.С. Автобиография. История моей жизни и убеждений.* М., 1896).

³⁰ *Милль Дж.Ст.* О гражданской свободе. С. 113.

³¹ *Милль Дж.С.* Рассуждения о представительном правлении. С. 70.

³² Там же. С. 74.

свой образ жизни с собственными убеждениями: “...те же самые основания, которые говорят в пользу необходимости предоставления свободы убеждений, указывают также на то, что человеку должна быть предоставлена свобода беспрепятственно проводить свои убеждения в жизнь на свой собственный страх”³³. Ни закон, ни общественное мнение не должны подавлять его волю настолько, чтобы он лишился индивидуальности. Если же человек поступает дурно, то это следствие слабой совести, неразвитости чувства нравственного долга, но не силы бесконтрольного желания³⁴. Вообще сильное побуждение предпочтительнее пассивности и равнодушия к собственной судьбе и судьбе общества. Но действия индивида все же должны подчиняться некоторым правилам: во-первых, действия индивида не должны вредить известным интересам других лиц; во-вторых, каждый индивид должен вносить свою долю труда и жертв ради интересов и безопасности общества и остальных его членов. Данные утверждения представляются фундаментальными в учении Милля о морали.

В связи с этим Милль придает чрезмерное значение воспитанию, что вытекает также из его приверженности идеям ассоциативной психологии. Под влиянием ассоциаций, устанавливающих связь между поступком и обыкновенно следующим за ним последствием, у индивида выкристаллизовываются представления о нравственных понятиях. При этом любовь служит основанием нравственности. Разумная организация воспитательного процесса раскрывает возможности безграничного нравственного совершенствования человека³⁵. Целью воспитания должны являться как социальные, так и личные добродетели, причем последние имеют второстепенное значение, усиление у личности самоотверженного стремления к благу других представляет собой основополагающий принцип его учения о морали. “Общество имеет безусловную власть над человеком в течение всего раннего периода его развития, чтобы убедиться на опыте, возможно ли сделать его человеком, способным к разумному образу поведения в жизни”³⁶.

Вместе с тем, в соприкосновении с проблемой общественного блага концепция индивидуальной свободы Милля испытывает серьезные затруднения, если не сказать противоречия. Милль определяет общественное мнение как мнение “коллективной (массовой) посредственности”³⁷, как мнение публики, называемой массой.

³³ Милль Дж.С. О гражданской свободе. С. 108.

³⁴ Там же. С. 116–117.

³⁵ Туган-Барановский М.И. Указ. соч.

³⁶ Милль Дж.С. О гражданской свободе. С. 166.

³⁷ Там же. С. 131.

Само общественное мнение создается наиболее могущественной частью общества, как правило, господствующим классом. Пользу оригинальности не могут понимать неоригинальные умы, полагал Милль, если бы они могли распознать пользу оригинальности, то она таковой бы уже не являлась. Инициатива всего мудрого и благородного исходит от индивида, и первоначально, как правило, — от одного индивида. Справедливо, если такому человеку дано право указывать путь другим. Вместе с тем Милль отмечал тенденцию расширения вмешательства общества в дела индивидуумов, что представлялось ему безусловным злом, поскольку индивидуум затерян в толпе³⁸. По мнению, Н.Г. Осиповой, провозглашенный Миллем принцип “невмешательства”, “если его принять за абсолютный, носит анархический характер и на практике делает существование упорядоченного общества невозможным”³⁹.

Идея “тирании большинства” привлекла внимание консерваторов, попытавшихся использовать ее в собственной аргументации. Они утверждали, что социальный порядок страдает от чрезмерной политической свободы слабообразованного класса, наделенного пороком зависти и преследующего исключительно частные интересы, не заботясь о национальном благополучии. Первая наиболее впечатляющая реакция отразилась в трудах Алексиса де Токвиля, который представлял демократизацию неизбежным процессом, но все же призывал к разработке сдерживающих механизмов. В последующем аргументация реакционеров существенно усилила свои позиции, вплоть до утверждений, что идеи равенства могут остановить социальный прогресс и привести к господству посредственности. Подобных взглядов придерживался известный французский социолог Гюстав Лебон (Gustave, Le Bon, 1841—1931), утверждавший, что “равенство возможно только на низшей ступени”⁴⁰. Чтобы добиться равенства нужно понизить уровень цивилизации. Современный адепт этого подхода Н. Болц видит основную угрозу от наименее благополучных слоев населения, в пользу которых осуществляется перераспределение национального богатства посредством институтов социального государства⁴¹. Однако по мнению Милля, тирания большинства представляла собой давление на личность со стороны именно “серединок людей”, как правило,

³⁸ Милль Дж.С. О гражданской свободе. С. 129—133.

³⁹ Осипова Н.Г. Социально-философские основы (теоретическое ядро) классического либерализма // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2015. № 4. С. 13.

⁴⁰ Лебон Г. Психология народов и масс. Челябинск, 2016. С. 146.

⁴¹ См.: Болц Н. Размышление о неравенстве. Анти-Руссо / Под науч. ред. Я.Н. Охонько. М., 2014.

обладающих значительными политическими правами и формирующих свое мнение под влиянием наиболее влиятельных групп общества, а не представителями многочисленных слоев социально уязвленных. Результатом ошибок политических решений становится не одно лишь невежество необразованных масс, но также корыстные и сиюминутные интересы господствующего класса.

Идейные разногласия кроются в том, что консерваторы убеждены в неизменной порочности человеческого рода, в то время как реформаторы верят в действенность просвещения, но и те, и другие зывают к рассудку в вопросах устройства социального порядка.

Хотя сам Милль в конечном счете разочаровался в способности одного лишь разума организовать жизнь индивида и всего человеческого рода, однако, в своих теоретических воззрениях он остался последовательно верен изначальным бентамовским абстракциям. Личный душевный кризис, заставивший его искать новые источники жизненного смысла, и, несомненно, смягчивший воспитанный в нем с детства суровый нрав, все же не привел к решению главной антиномии его либерализма и не дал четкого и ясного ответа об эмпирических границах индивидуальной свободы.

Не достиг решения этой задачи и Токвиль. Демократия для него — уже свершенное обстоятельство, требование свободы — ее неизменный революционный лозунг. Вместе с тем, достигнув политической свободы, общество часто рискует наделить властью хитроумного тирана, ловко манипулирующего общественным мнением, что, в конечном счете, приводит к полному искоренению ростков свободы до новых социальных взрывов. На примере французов во времена “наполеоновской деспотии” он показал, как быстро самопровозглашенный народ способен предпочесть равенство свободе, что удовлетворенный спокойной размеренной жизнью, он отказывается от идеи борьбы за единственную цель, побудившую его свергнуть предыдущий режим и разрушить старый политический порядок.

Альберт О. Хиршман в своем анализе реакционной риторики последних двух столетий приписывает Токвилю авторство “тезиса о тщетности”, который гласит, что “попытка реформы чего-либо обречена на неудачу, в том или ином смысле перемена есть, была и будет всего лишь фасадом, поверхностью, прикрытием”⁴². Желание радикальных перемен, в конечном счете, приводит к бесплодным результатам. Глубинные структуры общества несмотря на внешние революционные преобразования обладают устойчивостью и, по сути,

⁴² Хиршман А. Риторика реакции: извращение, честность, опасность. М., 2010. С. 53.

наследуются при переходе от одной формы социального порядка к другой.

Наиболее последовательная аргументация этого положения представлена Токвилем в работе “Старый порядок и революция” (“L’Ancien Régime et la Révolution”, 1856)⁴³. В своем исследовании он развенчал роль революции как радикальной преобразовательницы общественного устройства. Основываясь на обширных данных архивного материала, к которым он имел доступ, Токвиль заключил, что целый ряд преобразований, признанных по сложившемуся уже обыкновению заслугой Великой французской революции, на самом деле были порождены в недрах институтов старого политического порядка.

Это вовсе не значит, по мнению Токвиля (и в чем чаще всего его уличали левоцентричные критики), что Революция пустая фикция, событие, лишенное смысла. Напротив, она стала возможной именно там, где для нее уже была подготовлена почва, “она как бы сама собой возникла из того общества, которое собиралась разрушить”⁴⁴. Революция не была случайным событием, а главной ее целью было “приумножить силу общественного авторитета”. Стремление уничтожить средневековые феодальные учреждения характерно было для эпохи конца XVIII в. повсеместно, но носить революционный характер оно стало именно там, где бремя пережитков монархического и аристократического укладов было наименее тяжелым. Именно французский крестьянин не только одним из первых получил свободу от крепостнической зависимости, но сам стал собственником земли. Две эти причины, как считает Токвиль, являются главными в том моменте, что свободный крестьянин-собственник с еще большей силой возненавидел остатки феодализма.

Токвиль лишь пытался найти должное объяснение тому парадоксу, что народ, недавно сражавшийся под лозунгами “Свобода, равенство, братство”, так скоро склонил голову перед единоличной деспотией. Источник этого состояния он увидел в той неправильной форме свободы, которая сложилась еще при старом порядке, в той свободе, которую горячо желал народ, но которой не умел пользоваться. Эта свобода порождала во все времена множество противоречий и злоупотреблений. “Властитель пал, но наиболее существенное из его трудов уцелело... и всякий раз, когда хотели свергнуть абсолютную власть, ограничивались лишь тем, что помещали голову Свободы на рабское тело”⁴⁵.

⁴³ Токвиль А. Старый порядок и Революция. СПб., 2008.

⁴⁴ Там же. С. 8.

⁴⁵ Там же. С. 183.

Токвиль, таким образом, отличал свободу упорядоченную и благотворную от неупорядоченной, прерывистой, характерной дореволюционной эпохе. Та неупорядоченная свобода все же была лишена черт раболепствования, скорее она основывалась на доблести, нежели преследовала алчные цели. Вместе с тем, она, эта “нездоровая свобода”, была “вечно привязана к идее исключений и привилегий”, поэтому “в равной степени пренебрегала как законом, так и произволом, и почти никогда не доходила до предоставления гражданам наиболее необходимых и естественных гарантий”⁴⁶. Эта форма свободы — атрибут благородной аристократии, но она же препятствие в формировании законопослушного, мирного и свободного общества.

Несмотря на свойственную Токвилю тоску о временах благородной и возвышенной аристократии, в действительности он не пренебрегал демократией. Многочисленные цитаты из его работы “Демократия в Америке” (“*De la démocratie en Amérique*”, 1835—1840) подтверждают, что демократизацию он считал не только неизбежной, но и желательной, как “наилучшее и самое честное решение проблемы” общества. Анализ французского общества показал, как демократия может лишить граждан свободы, в то время как пример американской политической системы показал, как демократия может служить гарантом свободы. “Если со временем мы не сумеем установить мирную власть большинства, то все мы рано или поздно окажемся под неограниченной властью одного человека”⁴⁷. Что же имеет в виду Токвиль, провозглашая этот противоречивый в рамках его концепции тезис? Что есть “мирная власть большинства”?

Анализируя демократию в Америке, Токвиль последовательно раскрывает все отрицательные качества демократического устройства. Первое, что он подвергает критике, — это институт избирательного права. По мнению исследователя, всеобщее избирательное право не может служить гарантией “хорошего выбора”, в силу ряда причин. Демократия лишает силы принцип преемственности накопленного поколениями знания и опыта, вследствие чего вредит успешному развитию искусства управления государством. Кроме того, ей “всегда не хватает способности выбрать достойных людей, ей не хватает желаний и склонности к этому”. Там, где беспрепятственно правит народ, на государственные посты редко привлекаются достойные люди, действиями которых чаще движет честолюбие, нежели благородство. Режим закона в условиях демо-

⁴⁶ Токвиль А. Указ. соч. С. 110—111.

⁴⁷ Токвиль А. Демократия в Америке: Книга первая / Предисл. Г.Дж. Ласки. М., 1992. С. 237.

кратии при ограниченном сроке пребывания у власти предоставляет высокую степень свободы беззакония. Стоит только из этой схемы убрать регулярные выборы, как сразу же утверждается режим деспотии.

К тому же средний уровень просвещения народа по объективным причинам не может быть выше определенной черты, поскольку обремененное тяжелым физическим трудом большинство не имеет ни достаточного уровня образования, ни времени, чтобы справедливо оценить избираемого кандидата. Отсюда велика склонность к манипулированию общественным сознанием в демократических странах.

Наконец, “всеобщее избирательное право... дает обществу правительство для бедных”. Многие современные реакционеры особенно любят прибегать к последнему тезису Токвиля. Их привлекает сама риторика “игры с нулевой суммой”, уходящая еще к мальтузианской традиции и подразумевающая, что, в сущности, нет никакого значимого прогресса, улучшения в одной сфере влекут за собой ухудшение ситуации в другой, что усиливает тезис о тщетности социальных и политических реформ. Так “власть народа” беспрестанно стремится вводить новшества и, как правило, дорогостоящие, совершенно не имеющие конкретной цели. Улучшение жизни бедняков, таким образом, может происходить лишь за счет изъятия денежного излишка богатой прослойки общества. Вследствие этого “государственные расходы увеличиваются с развитием цивилизации, а налоги повышаются по мере распространения просвещения”⁴⁸.

Демократия, таким образом, не гарантирует процветание всем, но она способствует благосостоянию большинства. Это безликое большинство ради идеи равенства готово поступиться значительной частью своих свобод. Хотя Токвиль признает, что без свободы люди не могут быть абсолютно равными, все же он видит принципиальное различие между двумя этими понятиями. “Любовь людей к свободе и та склонность, которую они испытывают к равенству в реальной жизни, — совершенно разные чувства... Демократические народы испытывают естественное стремление к свободе; будучи предоставленными самим себе, они ее ищут, любят и болезненно переживают ее утрату. Однако равенство вызывает в них страсть, пылкую, неутолимую, непреходящую и неборимую; они жаждут равенства в свободе, и, если она им не доступна, они хотят равенства хотя бы в рабстве. Они вынесут бедность, порабощение, разгул варварства, но не потерпят аристократии”⁴⁹.

⁴⁸ Токвиль А. Старый порядок и Революция. С. 171.

⁴⁹ Токвиль А. Демократия в Америке: Книга вторая. С. 373.

Приоритет принципа равенства над принципом свободы есть самый опасный порок демократии. В недрах самого равенства ковернется чувство ненависти, порожденное неравенством. Оно заставляет людей сторониться друг друга, а самых талантливых побуждает скрывать от общественных глаз свои добродетели, только чтобы не выделяться из толпы.

Подобное видение реальности социальных отношений побуждает Токвиля обратиться к особому феномену человеческой природы — к зависти. Порок зависти присущ всем обществам, в которых царит идея равенства. Люди в таких обществах неизбежно становятся большими честолюбцами. Но ради достижения своих целей они не стремятся прилагать существенные усилия: "...они хотят сразу добиться большого успеха, но при этом стремятся избавить себя от тяжелого труда"⁵⁰.

Зависть к чужому успеху и благополучию может стимулировать человека действовать, добиваться и достигать чего-либо. Но чаще всего в демократических обществах она порождает чрезмерную ненависть и презрение к ближнему. "Спесь и чрезмерная самонадеянность вторгаются, так сказать, в человеческое сердце и господствуют в нем некоторое время. Вне зависимости от равенства это в значительной мере способствует разобщению людей, тому, что они перестают доверять суждениям друг друга и ищут свет истины только в самих себе"⁵¹, — пишет Токвиль. Достигая равенства в правах, индивиды стремятся к равенству условий, а в последующем и к жажде равенства результатов. Но по объективным причинам успех, богатство и счастье невозможно разделить на всех поровну. Хотя в обществах с ослабевающим влиянием традиционного мировоззрения людям все сложнее с этим мириться.

Любопытно, что Милль в своем анализе не придавал зависти какого-то существенного значения. Вероятно, это связано с его личностью. Милля отличало то, что ему было не знакомо это чувство, он с огромным энтузиазмом относился к любым успехам своих коллег по перу, оказывал им всевозможную поддержку даже в том случае, если их взгляды были противоположны его собственным воззрениям⁵².

Согласно Токвилю, зависть не была массовым пороком в период аристократического порядка, поскольку пределы совершенствования людей были до крайности ограничены. Но в демократических

⁵⁰ Токвиль А. Демократия в Америке: Книга вторая. С. 20.

⁵¹ Там же. С. 321.

⁵² Примечательны случаи, описанные Туган-Барановским, о помощи, оказанной Миллем Карлейлю, Конту и Спенсеру в деле публикации их трудов (см.: *Туган-Барановский М.И.* Указ. соч.).

обществах все иначе — эти пределы чрезмерно расширены. “Когда люди, живущие в условиях демократического общества, подлинно просвещенны, они с легкостью осознают, что ничто не должно их ограничивать, сдерживать, насильно заставлять довольствоваться достигнутым благосостоянием”⁵³. Поэтому в таких обществах все подвержено движению и изменению, соперничество и конкуренция способствуют развитию, прогрессу, а также повышенной мобильности, “ничто не удерживает их (людей) на своих местах; они поднимаются вверх по общественной лестнице или же скатываются вниз с удивительной быстротой”⁵⁴.

Однако Токвиль не столь сильно верил в силу разума, как Милль и его предшественники. В связи с этим он предупреждал об опасности крушения традиционных устоев общества.

Одну из главных задач своего исследовательского труда Токвиль видел в том, чтобы показать значимость нравов в общественной жизни. “Я убежден, — писал Токвиль, — что самое удачное географическое положение и самые хорошие законы не могут обеспечить существование конституции вопреки господствующим нравам, в то время как благодаря нравам можно извлечь пользу даже из самых неблагоприятных географических условий и самых скверных законов. Нравы имеют особое значение — вот тот неизменный вывод, к которому постоянно приводят исследования и опыт. Этот вывод представляется мне наиболее важным результатом моих наблюдений, все мои размышления приводят к нему”⁵⁵.

Под нравами Токвиль понимал “совокупность умственных и моральных склонностей людей, которые отражаются в общественной жизни”⁵⁶. И это понятие у него тесно связано с представлениями о свободе. Необузданная моральными императивами, она приведет к анархии и гибели общества. Вместе с тем Токвиль не находит альтернативы религиозности как основы национальной нравственности. В этом заключается еще одно существенное отличие его взглядов от идей Милля. Если у Милля освобождение сознания от религиозных убеждений и пут обычая есть основа подлинной интеллектуальной свободы и начало пути истинного нравственного совершенствования, то Токвиль не столь оптимистичен в своей оценке индивидуальных способностей членов общества. Атеистические и пантеистические настроения он считает крайне вредными и даже губительными для общества и призывает пресекать их в самых своих зачатках. Токвиль убежден, что “если

⁵³ Токвиль А. Демократия в Америке: Книга вторая. С. 338.

⁵⁴ Там же. С. 43.

⁵⁵ Там же. Книга первая. С. 233.

⁵⁶ Там же. С. 231.

люди и отдаляются от веры, то лишь в силу заблуждений ума и вследствие нравственного насилия над своей природой. Их склонность к религии непреодолима. Неверие — это исключение из правила, естественным состоянием человечества является вера”⁵⁷.

Свой тезис он подтверждает многочисленными примерами религиозности, положительно воздействующей на американское общество, подчеркивая вместе с тем, что успех религиозных институтов в данном случае связан с их полной автономностью от политических учреждений. Отделение светской власти от религиозной позволило соблюсти равновесие между растущими политическими свободами американских граждан и основами их нравственного поведения. Религиозность способна защитить общество от нездоровой индивидуализации, характерной для демократического устройства.

Токвиль иначе, нежели Милль, понимает сущность индивидуализма. “Индивидуализм — это взвешенное, спокойное чувство, побуждающее каждого гражданина изолировать себя от массы себе подобных и замыкаться в узком семейном и дружеском круге. Создав для себя, таким образом, маленькое общество, человек охотно перестает тревожиться обо всем обществе в целом”⁵⁸. Раскрывая природу индивидуализма, Токвиль прибегает к анализу понятия “эгоизм”, под которым он понимает страстную любовь человека к самому себе, необузданную и инстинктивную, стремящуюся подчинить своим интересам интересы окружающих людей. Эгоизм — древний порок и характерен любым обществам вне зависимости от формы политического устройства, но он столь опасен, что способен погубить “зародыши всех человеческих добродетелей”⁵⁹.

Индивидуализм есть продукт демократического общества и только его. Он проистекает скорее “от ошибочного суждения, чем от испорченности чувств”, и поражает изначально основы социальных добродетелей, но, укоренившись, индивидуализм убивает всю человеческую нравственность и сам превращается в эгоизм. Индивидуализм разрывает общественные узы, и люди становятся более неспособными служить друг другу, их ничто больше не влечет друг к другу, и они заточают себя в “уединенную камеру собственного сердца”. Источник этого феномена Токвиль видит в ослаблении *зависимости* между индивидами: “Чем более уравниваются социальные условия существования, тем больше встречается в обществе людей, которые, не имея достаточно богатства или власти,

⁵⁷ Токвиль А. Старый порядок и Революция. С. 226.

⁵⁸ Токвиль А. Демократия в Америке: Книга вторая. С. 111.

⁵⁹ Там же.

чтобы оказывать значительное влияние на определенную часть себе подобных, тем не менее, приобрели или сохранили достаточный запас знаний и материальных средств, чтобы ни от кого не зависеть. Такие люди никому ничего не должны и ничего ни от кого не ждут; они привыкли всегда думать самостоятельно о самих себе и склонны полагать, будто их судьба полностью находится в их собственных руках”⁶⁰.

Зависимость, характеризующая феодальное общество, в данном приложении для Токвиля означает не отсутствие свободы как таковой, а благотворный патронат, право зависимого рассчитывать на покровительство и защиту патрона, что, в свою очередь, должно было обеспечивать стабильность и социальный порядок. При демократическом устройстве неравенство не может быть устранено полностью в силу объективных причин. Безусловно, демократия, как уже было отмечено, тяготеет к равенству, абсолютизирует его значение, однако, вторым обязательным условием демократии является свобода. Как только идеал равенства становится приоритетным по отношению к свободе, обществу начинает угрожать деспотия, но именно эта угроза вновь возводит на пьедестал идеал свободы. Это еще раз демонстрирует скептицизм Токвиля в отношении идей радикального реформаторства наподобие тех, что в том числе продвигались Миллем и его сторонниками.

В работе “Мистер де Токвиль о демократии в Америке” Милль предпринял попытку критического осмысления главных выводов Токвиля. В целом очень высоко оценив исследование, предпринятое французским социологом, Милль отметил, что ценность его работы заключена не в окончательных выводах, но преимущественно в блестящем методе. Основные расхождения коснулись вопросов представительного правления, равенства, социального положения женщин, религии и т.п. Токвиль, по мнению Милля, провел знак тождества между понятиями “демократия” и “коммерческое общество” (*commercial society*). Угроза от господства среднего класса, от которой предостерегает Токвиль, на самом деле — давление со стороны коммерческого класса, который заставляет все остальные классы подчиниться своим интересам⁶¹.

Очевидно, что во многих вопросах, касающихся свободы, взгляды Милля и Токвиля были созвучны. Они оба поддерживали развитие демократических институтов, защищали свободу слова и печати, свободу ассоциаций, но они совершенно разным образом мыслили

⁶⁰ Токвиль А. Демократия в Америке. Книга вторая. С. 111.

⁶¹ Mill J.S. M. de Tocqueville on democracy in America // *Dissertations and Discussions: Political, Philosophical, and Historical*. L., 1859. С. 61–71.

природу свободы. Аргументы Токвиля прямолинейны и доступны рациональному пониманию. Идеи Милля более романтичны и даже утопичны. Суждения Милля часто наталкиваются на противоречия в собственной концептуальной схеме, но его представления о свободе возвышенны, словно претендуют на новое религиозное учение. Отвергая традиционные религиозные убеждения, Милль создает собственные символы веры⁶².

Милль придавал очень большое значение изучению психических процессов отдельной личности и смотрел на общество сквозь душу отдельного человека. Социальный вопрос для него заключался в поисках гармонии между жизнью индивида и общества. Вместе с тем, попытка Милля отделить свободу мысли от свободы поступка на практике приводила к некоторому противоречию, что угрожало миллевскому пониманию свободы превращением в фикцию, в пустой метафизический конструкт. Он и сам отмечал, что убеждения тесным образом связаны с поступками индивида.

Приверженность своей идее о том, что истина может заключаться в противоположных мнениях, вероятно, объясняет дуальность миллевских политических взглядов: либерал, не чуждый социалистических идей, утилитарист, не отказывающийся в почтении либерализму.

В отличие от своего отца, Милль не был столь пессимистично настроен относительно перспектив общественного развития и допускал возможность лучшего социального устройства. Великий либерал, гуманист и одновременно утопист, он то превозносил “индивидуальную свободу”, то зывал к нравственному долгу, но несомненной спутницей его самых вдохновенных идей была вера в любовь, справедливость и всеобщее счастье. Можно сказать, что Миллю так и не удалось примирить в своих взглядах мотивы эпикуреизма и стоицизма. Разочарованный на закате своего творческого пути социальной действительностью, он, в конце концов, отказался от всяких абсолютных решений в области социальных вопросов и в практической политике стал предпочитать компромиссы радикальным решениям, превратившись в идеологического аскета.

Воспринятое от отца безразличие к религиозным учениям⁶³ привело Милля к религиозному и культурному релятивизму. Веро-

⁶² В своей “Автобиографии” Милль отмечал, что он после прочтения “Принципов законодательства” Дюмона, трактующего основные положения учения Бентама, настолько был вдохновлен “принципом полезности”, что буквально принял его как свою религию. Вступив в “утилитарное общество”, он говорил также, что был привержен его принципам как самый нетерпимый сектант (см.: *Милль Д.С. Автобиография...*).

⁶³ См.: *Туган-Барановский М.И.* Указ. соч.

ятно, поэтому он недооценивал роль религии и обычаев в системе социальных отношений. Вместе с тем, Милль не предложил приемлемой альтернативы религиозным ценностям для сдерживания развития нравственных пороков, угрожающих обществу, достигшему индивидуальной свободы.

Как уже было отмечено, в своих социально-философских взглядах Милль придерживался политического радикализма бентамовского толка, хотя не был столь же непримиримым его последователем, как его отец и члены утилитаристского общества. Проблема гражданской свободы стояла для него острее, чем проблема экономической свободы, поэтому он признавал возможность экономического неравенства, призывая вместе с тем соблюдать право на достойную жизнь уязвимых слоев населения.

Токвиль, напротив, принадлежал к лагерю консерваторов. Сам того не осознавая, он породил целую отрасль социально-философской мысли, вдохновенную его консервативной риторикой. Токвиль открыл возможности свободы, ее благотворное влияние на личностное и общественное развитие, но также описал весь спектр опасностей, подстерегающих ее самых яростных ревнителей.

Предпринятая в настоящей статье попытка переосмысления идей Джона Стюарта Милля и Алексиса де Токвиля об индивидуальной свободе позволяет обнаружить глубокое и до сих пор неразрешенное противоречие, заложенное в самой концепции либерализма. А именно противоречие, проистекающее из поисков баланса между индивидуальной свободой в различных аспектах ее проявления и стремлением соблюсти общественный интерес.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Берлин И.* Философия свободы. Европа / Предисл. А. Эткинда. М., 2001.
- Болыц Н.* Размышление о неравенстве. Анти-Руссо / Под науч. ред. Я.Н. Охонько. М., 2014.
- Гоббс Т.* Левиафан. М., 2001.
- Одар К.* Индивидуальность и солидарность: Дж.Ст. Милль и “Новый солидарный либерализм” // *Философский журнал*. 2010. № 2 (5). С. 84–97.
- Локк Дж.* Сочинения: В 3 т. Т. 3. М., 1988.
- Милль Дж.Ст.* Автобиография. История моей жизни и убеждений. М., 1896.
- Милль Дж.Ст.* Рассуждения о представительном правлении. Челябинск, 2006.
- Милль Дж.Ст.* Речь в защиту смертной казни // *Этическая мысль*. Вып. 9 / Под ред. А.А. Гусейнова. М., 2009.
- Милль Дж.Ст.* О гражданской свободе. М., 2012.
- Туган-Барановский М.И.* Джон Стюарт Милль. Его жизнь и научно-литературная деятельность. СПб., 1892.

Осипова Н.Г. Социально-философские основы (теоретическое ядро) классического либерализма // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2015. № 4.

Токвиль А. Старый порядок и Революция. СПб., 2008.

Токвиль А., де. Демократия в Америке / Предисл. Г.Дж. Ласки. М., 1992.

Хиршман А. Риторика реакции: извращение, честность, опасность. М., 2010.

REFERENCES

Berlin I. Filosofiya svobody. Evropa / Predisl. A. Etkinda. M., 2001.

Bolts N. Razmyshlenie o neravenstve. Anti-Russo / Pod nauch. red. Ya.N. Ohonko. M., 2014.

Courtney W.L. Life of John Stuart Mill. L., 1889.

Gobbs T. Levafan. M., 2001.

Hirshman A. Ritorika reaktsii: izvraschenie, chestnost, opasnost. M., 2010.

Locke J. Sochineniya: V 3 t. T. 3. M., 1988.

Mill J.S. M. de Tocgueville on democracy in America // Dissertations and Discussions: Political, Philosophical, and Historical, by John Stuart Mill. L., 1859.

Mill J.S. Avtobiografiya. Istoriya moey zhizni i ubezhdeniy. M., 1896.

Mill J.S. Principles of political economy with applications to social philosophy / Ed. by S. Nathanson. Indianapolis; Cambridge, 2004.

Mill J.S. Rassuzhdeniya o predstavitelnom pravlennii. Chelyabinsk, 2006.

Mill J.S. Rech v zaschitu smertnoy kazni // Eticheskaya mysl. Vyip. 9 / Pod red. A.A. Guseynova. M., 2009.

Odar K. Individualnost i solidarnost: J.St. Mill i “Novyy solidarnyy liberalizm” // Filosofskiy zhurnal. 2010. N 2 (5). S. 84–97.

Osipova N.G. Sotsialno-filosofskie osnovyi (teoreticheskoe yadro) klassicheskogo liberalizma // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 18. Sotsiologiya i politologiya. 2015. N 4.

Tokvil A. Staryiy poryadok i Revolyutsiya. SPb., 2008.

Tokvil A. de. Demokratiya v Amerike / Predisl. G.J. Laski. M., 1992.

Tugan-Baranovskiy M.I. John Styuart Mill. Ego zhizn i nauchno-literaturnaya deyatelnost. SPb., 1892.